

Золотухин В. «ПОЗДНО, РИТА, ТЫ ПОЛЮБИЛА ВОРА!». Рассказ бывшего администратора // Алтай. — 1982. - № 3. —С. 71-73.

Служил я, не поверите, администратором в кино. На киностудии имени... Работа... она сама по себе... ну... сами знаете, какая. Трудная. Объясню, почему. Это достань, то принеси, ту встречу, про этого забудь невзначай, чтоб сам забыл, куда едет. Трудная, трудная. Она и психологически поэтому вредная. А со стороны кажется — человек на побегушках. Поэтому, в соответствии и согласии с цитатой, рыба ищет, где глубже, а человек, где рыба, — ты и сам ищешь, выслеживаешь, вынюхиваешь, фирменные сигареты подсовываешь директорам тех картин, у которых красивые экспедиции к теплomu, скажем, морю намечаются. Не говорю про за границу (там мафия, в тот круг с мылом не протолкнешься), а просто... у хорошего синего моря им по плану пожить охота. К директорам таких картин как-то тянет, как-то они тебе ближе и дороже, и они всегда умнее других... для тебя. Объясню, почему: помыться в море всем охота.

Но иногда — чудеса. Обсуждаем мы как-то, где искать тайгу для фильма «Комендант... скажем... тайги». Оператор говорит: «Где-то... где-то... стойте... я видел где-то... хорошую тайгу видел... сейчас вспомню... в Пицунде! В Пицунде я видел очень хорошую тайгу». — «Точно, Иван, в Пицунде... Там сосны... Во! Корабельные... реликтовые... государством охраняются., лучшей тайги не найдем, и говорить нечего».

Другой раз ищем по карте, где снимать на пленку «Директор... скажем так... Чукотки». — «Где... где... — морщит лоб художник. — Где-то я видел... дай бог памяти... замечательную Чукотку где-то видел... В Ялте!» Оператор: «В Юрмале! В Юрмале Чукотка краше!» Режиссер: «В Ялту!»

Директор: «В Боржоми... я, в Боржоми... мы, наша Чукотка в Боржоми». Режиссер бьет банк: «Ялта... Лучшая Чукотка для всех Ялта, чеховская Ялта. И объяснять не хочу, почему».

Но в экспедиции администратору даже и в Ялте не шибко сладко. Все в море, ты дуй в Симферополь, встречай артистов. Не-на-ви-жу! , Кого в кино ненавижу — артистов. Все спят или чего хуже делают — в ресторане, скажем, музыкой наслаждаются, да, а ты не наслаждайся, жди по ночам артистов в аэропорту. Не-на-ви-жу! Им ведь каждому отдельный номер подавай в гостинице, а нет... каждый грозит: «Уеду, тут же уеду обратно». Ну для чего, скажите, каждому, ему или ей, отдельный номер? Ну зачем? Для каких особенных трудов? Подумайте. Нет, вредный артисты народ, вредный, но смешной. Я бы им за их привередливость доплачивал бы крупно, чтоб они нам роли в кино не портили своей вредностью природной. Отслонявил бы каждому по лишнему столыку: «На, бери, только не вредничай. Не вредничай, тебе говорят, играй хорошо, хорошо играй, только не вредничай, кому говорят?! Нет, плохо играет, вредничает. А отдельный номер требует. Ну почему все артисты хотят, видите ли, хорошо и отдельно жить? Они ж за художников себя выдают. А художник карманом нищий должен быть, а духом густ невпроворот. Администратор — наоборот. Шучу, шучу. Шутка.

Но и смешной народ артисты. Ах, смешной! Знал я одного. Кто-то сказал ему, что батька Махно и он — «одна лица». Загримировали под батьку для групповой фотографии анархистов, сняли фото и отпустили. И надо ж, заклинило мужика. На Несторе Махно заклинило. В буквальном смысле. Объясню, почему. Отрастил себе патлы до плеч, засалил их чем-то, по году не мылся, завшиветь хотел, по-видимому, для образа. Потом охромел. Костыль сунул под мышку. Идет по коридору, дико озирается, потом р-р-раз... так на костыле развернется и в обратную сторону чешет... И на тебя с вертящимся глазом прет... с дороги не свернет. И сверлит тебя, и буравит, и зубами скрежещет на всю студию. Он в рот шины кусок специально для скрипу засовывал. Как-то мы о Горьком... Алексее Максимовиче картину запустили. И какой-то чудаки, мягко выражаясь, вроде меня, сказал, что он очень на молодого Пешкова смахивает. Не поверите! За сутки человек фазу сменил. Окать стал, постригся, помылся, каблуки вздернул, костыль бросил, папку взял и всех батеньками обзывать начал. Кем он сейчас, интересно, прикидывается?

Аркашки все они... Аркашки... Господи! Чайники! Снимали мы «Преступление и наказание» как-то. Есть такая книга настольная у Достоевского Федора Михайловича. Работа эта интересная у него считается. Объясню, почему. На детали объясню. Помните муху в стекле? В гробе-каморке Раскольникова бессильно бьющаяся, зудящая в окне муха в жару... простая муха, и больше ничего. Помните? Гениальная аналогия с героем. Ну, мастер... чего там. А снимали зимой. В павильоне. А муху где взять зимой? В Москве... а? А режиссер требует, вынь да положи ему муху на стол... Художник, сами понимаете, фантазия кипит... Без мухи уже жить не может. Меня директор вызывает:

— Обеспечить кадр. Достань ему мух... Голов пятнадцать... для дублей чтоб!

— Где же я их достану, они ж вымерли?

— Не знаю... Где хочешь... Два часа думай, потом доложишь! Через две минуты я разобрал этот морской узел.

— Илья Ароныч! — говорю, — нашел... знаю, где они есть... только в одном месте!

— Где?

— В Евпатории!

— Точно?

— Командируйте!

— Немедленно!! С тобой полечу, чтоб наловить ему на всю оставшуюся жизнь.

А что делать?! Кино делать надо! Берем подотчет, берем много, чтоб хватило... и... и залетных! К морю, родные, за мухами! Первым классом, с белым вином, черной икрой, как люди!..

Прилетаем, он себе — люкс трехкомнатный, мне — камеру одноместную. Я на базарчик сбегал, холодильничек ему заправил всякой травкой-муравкой, чтоб у шефа голова ни о чем не болела. С утра у нас бассейн с морской водичкой подогретой, сами понимаете... Завтрак (а я уже две-три мушки словил) в номере с шампанским, кальмарами... Ужин, сами понимаете, в коллективе нежно-душистом. Днем шеф в бассейне барахтается, я мух ловлю, и в спичечную коробку складываю. Дырочки проделал, чтоб дышали, сахару засыпал, чтоб не сдохли до Москвы с голоду... По всей Евпатории я за ними не гонялся, не дурак.

Я в номере у себя сахару набросал везде, по столу варенье размазал и убирать запретил. Но в основном я около дежурной Любочки за ними охотился, для смеху. Одну даже с носу у нее снял, да так ловко, что Любочку не разбудил. «Ой, — говорит, — что-то вы делаете?» — «Мух, — говорю, — ловлю, Любончик-пончик! Спи, спи, дорогая. Задание, — говорю, — у меня такое производственное... Меня коллектив ждет, не работает. Мы «Преступление с наказанием» совмещаем...» А сам вторую р... р....раз с правой груди у нее.

— Ой, — говорит, — целый день вы их ловите.

— Ночью не буду... ночью не буду... А завтра по мухам опять.

— А завтра я не работаю.

— Ну, так послезавтра.

— А послезавтра я вам своих принесу из дома... можно?..

— Можно, Люба, можно.

А из Москвы — звонки: «Наловили? Поймали?» Директор: «Кое-что поймали... и хороших... но их не хватит, боюсь, на дубли...» У меня полная коробочка, вторую начал. Но тут деньги кончились у шефа. Полетели назад. Мушки мои за пазухой, в тепле, сахар гложут, нормалек!

Нас встречают чуть ли не с музыкой. Ну, что там — герои, охотники за змеями... Миклухи-Маклаи... аборигены евпаторийские.

Камеру поставили, свет полный, тишина гробовая. «Высаживай муху свою», — командует режиссер. «Не тут-то было, — говорю, — она ж не дура. Она ж улетит. Вы, — говорю, — сначала медом стекло смажьте, потом я, вам дам муху. Они у меня на глюкозе

неделю воспитывались». Режиссер... фантазия... ух... кипит! «Разведите, — говорит, — рафинаду... промажьте стекло!» Промазали. «Сажай муху на стекло!» Я коробочку открыл. Мои насекомые роем вверх как ринулись одна за другой сплошным десантом и исчезли во мгле. Объясню, почему. В павильоне ж наверху-то, на лесах-то, там же фонари, там свет, там тепло, как в Евпатории. Минут пять группа стояла, головы задрав, в сплошной анемии. Как у «Ревизора» в немой сцене, помните? Тоже деталь гениальная.

Первым очнулся директор. «У него, — говорит, — еще одна коробочка за пазухой есть». А режиссер: «Поздно, Рита, ты полюбила вора!» И зло так сплюнул по касательной, чуть в меня не попал. «Где художник? — орет. — Рисуй муху быстро». Художник... а у него ж тоже фантазия вздрючена, кисть в сажу и, как с шашкой, к окну... приступил. «Где прикажете писать насекомое?» — «В нижнем правом...» — «Ввожу, — говорит, — шершавого... стерильно... нетоксично... опироген-но...» И с размаху... бах... кистью в правый нижний... Муха получилась лучше не придумаешь, да лучше и не надо, живее всех моих пятидесяти шести сбежавших, улетевших к свету, к фонарям.

Сняли кадр. Да еще как сняли!

Вот что значит искусство. В настоящем искусстве правда бывает жизненнее самой жизни... Это не я придумал. Но что он имел в виду, хотел бы я знать, когда сплюнул и сказал: «Поздно, Рита, ты полюбила вора!» Это что? Слова из песни или поговорка такая есть? Не знаете? Кто узнает, пришлите ответ, пожалуйста, по адресу: г. Москва, театр на Таганке, Валерию Золотухину.